

Вырезка из газеты
КУРОРТНАЯ ГАЗЕТА

16 26 MAR 40

Сочин

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Перед нами открываются двери его кабинета. Здесь все так, как было при жизни Петра Ильича. Большая светлая комната. На стенах — портреты Моцарта, Баха, Глинки, Генделя, Шумана, Шуберта, портреты родных и друзей.

В центре комнаты — темно-коричневый инструмент. Это рояль, который фирма Беккер преподнесла — очевидно, из рекламных соображений — знаменитому русскому композитору; инструмент, к клавишам которого прикасались когда-то тонкие, чуткие руки Петра Ильича — руки, неизменно обращающие на себя наше внимание, когда мы любуемся в Ленинградской консерватории великолепной скульптурой работы Беклимишева.

Окончание (начало см. «Курортную газету» за 24 марта)

*
От нашего специального
корреспондента

*
В правом углу кабинета — широкий мягкий диван, обтянутое тисненной кожей кресло, большой письменный стол. Кажется, будто обитатель этой комнаты только что встал из-за стола. Там еще лежит лист бумаги, на котором рукою Петра Ильича записаны адреса и фамилии его друзей. Там лежат его пенсне, ключ для настройки рояля (Петр Ильич никому не доверял этой процедуры), визитная карточка, мигреневый карандаш, к которому так часто приходилось прибегать Чайковскому. А вот коллекция изящных курительных трубок и мундштуков — коллекция, которую мог собрать только страстный курильщик.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, — предметы, воскрешающие в нашей памяти события и эпизоды, описанные когда-то самим Чайковским и его братом Модестом. Здесь и «гальский петух» — подарок французского актера, и пражские часы, проданные композитору одним из его неизвестных почитателей, и изящный шкаф с полным собранием сочинений Моцарта — любимейшего из «музыкальных богов» Петра Ильича. Из кабинета дверь ведет в «фонарь» — угловую, залитую светом комнату, — где Петр Ильич любил пить чай по утрам. На столе, покрытом холщевой скатертью, еще стоят стакан и тарелка.

В туго набитом книжном шкафу Петра Ильича мы видим книги Пушкина, Плещеева, «Русские песни», на страницах

которых много юных набросков, сделанных Чайковским во время чтения. Вылились ли эти мысли гения в чудесные формы романсов и хоров, которые мы слушаем сегодня, или замысел их так и остался на полях книги?

Вопреки обычным представлениям о творческом процессе композитора, импровизирующего за роялем, посетитель клинского музея узнает, что Чайковский не любил «высасывать» музыкальные образы из клавиш инструмента. Совершеннейший образец симфонизма — Патетическая симфония была, оказывается, сочинена Чайковским не здесь, за этим роялем Беккера, а рядом, в спальне, за простым сосновым столом. Мы долго стоим растерянные и удивленные перед этим немым свидетелем творческого созидания, и смутная, неоформившаяся мысль, зародившаяся в нас с первых шагов по этим комнатам — мысль о простоте и величии человека — полностью овладевает вдруг нашими чувствами. Как бедно и пусто в этой комнате! Простой столик с принадлежностями для утреннего туалета, простая железная кровать в углу, халат на стене. Вот и все почти... Взгляд задерживается на небольшой, написанной маслом картине, висящей над кроватью Петра Ильича. Ночь, облака, луна. Настроением глубокой человеческой грусти были вызваны эти образы. Модест Ильич рассказал

как-то раз историю картины:

«В Берлине в 1888 году был концерт из произведений Петра Ильича и под его управлением. На этом концерте известный скрипач Бродский исполнил его превосходную «Меланхолическую серенаду». На другое утро Петр Ильич только что оделся и собирался уходить, как к нему в номер робко постучали. Петр Ильич открыл дверь и увидел скромно одетую даму, державшую в руках сверток. Она протянула сверток и сказала: «Я слышала вчера вашу серенаду. Возьмите мою «Меланхолию», я больше ничем не могу отблагодарить вас за ваш вчерашний концерт». Растерявшийся Петр Ильич долго отказывался, но незнакомка со слезами на глазах умоляла принять подарок, и когда чрезвычайно растроганный композитор взял из рук у нее сверток, то дама быстро ушла и Петр Ильич так и не узнал, кто она».

47 лет прошло с тех пор, когда взгляд Чайковского в последний раз скользил по этой картине. 47 лет тому назад в этих комнатах, ставших сегодня музеем, еще раздавались шаги Петра Ильича. Он ходил по этому темному, узкому коридорчику, он сидел в этой простенькой столовой, с низким потолком и подслеповатыми окнами, он поднимался к себе наверх по этой скрипучей, деревянной лестнице. Из тех, кто встречал Петра Ильича в клинском доме, немногие остались в живых. Иных уж нет,

а те далекие...». И каждому, должно быть, понятны наши чувства, когда мы встречаемся в этом доме с человеком, внешний облик и черты лица которого так сильно напоминают Чайковского. Это семидесятилетний племянник композитора — Юрий Львович Давыдов. Аграрием по профессии, разносторонне образованный человек, прекрасно знающий Чайковского и его эпоху, он охотно посвящает нас в дела давно минувших дней, — во все, что сохранила его редкая память. Часами с увлечением способен рассказывать он о том, как жил и работал Петр Ильич, каким он был в отношениях с родными и друзьями, какими чертами отличался его характер. Есть ли в клинском музее фотография, документ, реликвия, история которых не знал бы Юрий Львович? Едва ли! Полтора года работы Юрия Львовича над большим, еще неопубликованным мемуарным трудом «Воспоминания о Петре Ильиче Чайковском» помогли ему связать разрозненные впечатления прошлого, по-новому отнестись к фактам, по-новому осмыслить величайшее значение деятельности Петра Ильича для русской культуры. Вероятно, результатом этой углубленной работы и явилась та прекрасная идея, жизненность которой с юношеским пылом отстаивает сегодня заместитель директора клинского музея Ю. Л. Давыдов. Это мысль о создании в Клину «советского Байрейта», родственного вагнеровскому музыкальному центру в Баварии. Когда-то П. И. Чайковский специально ездил в Байрейт слушать знаменитое «Кольцо Нибелунгов». В этот период им были созданы «Лебединое озеро» и фантазия «Франческа да Римини».

Музыкальный центр в Клину, расположенный в двух часах езды от Москвы, должен состоять, по мысли Ю. Л. Давыдова, из огромного хранилища наследия великих русских композиторов, концертного зала, соответствующей музыкальной библиотеки и Дома советских композиторов. Здесь будет центр исследовательской и творческой работы советских музыкальных деятелей. Здесь будут созданы самые благоприятные условия для творческого освоения колоссального опыта классиков русской музыки, для продолжения их реалистических традиций в социалистическом искусстве.

Можно ли равнодушно относиться к этой реальной и радующей в то же время перспективе? Можно ли представить себе более благодарное выражение наших чувств к гению русской музыки, отмеченному бессмертием?

Мы верим, хотим верить в то, что очень скоро по той же дороге, которую так хорошо знал Чайковский, в «советский Байрейт» в Клину будут приезжать советские композиторы, чтобы осуществлять там замыслы произведений, достойных наших дней и нашего культурного прошлого.

Д. М-ч.